

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вопрос о «человекомерности» и трансформации науки*

Человек есть мера всех вещей, сущих — что они существуют, несущих — что они не существуют.

Протагор

1. Вопрос о «человекомерности» вновь делает слышимым на долгие столетия изгнанный из философии голос ее оппонента (выведенного Платоном за ее границы, а в последующем вновь интениоризированного в виде «внутреннего голоса») — софиста, в спорах с которым она (философия) и приобретала тот или иной исторически оформленный во времени вид. Для науки, в которой принцип объективности до сих пор играет существенную роль, этот «голос» звучит инородным, провоцирующим скандал. Он является симптомом ее кризиса, вводит в рассмотрение «болезни роста», сопровождающие структурные творческие и концептуальные преобразования. Поэтому отмахнуться от него не удастся. Тезис о человекомерности утверждает зависимость суждений об истине и заблуждении, бытии и небытии от прагматического интереса, который стоит за той или иной ситуацией, операциональных характеристик и динамики коммуникативной среды. В результате объективное знание становится личностным (М.Поляни). Тем самым происходит секуляризация мысли, выдвижение на первый план субъективных актов оценки, релятивизация и субъективация истины, отказ от анализа предметности как таковой, безотносительно к человеческой субъективности, ее потребностям и способам удовлетворения этих потребностей, акцент на иных, чем истина, регулятивах познания вообще и научного знания в частности (А.П.Огурцов).

* Коллективная монография «Синергетика человекомерной реальности» выполнена при поддержке РФФИ грант № 99-06-80060.

Голос современного софиста неоднороден. Он расслаивается в многоголосие, полифонию критических голосов, раздающихся как внутри науки, подошедшей к границам своих возможностей, так и из-за ее границ — от многочисленных «гуманитариев», упрекающих науку в обездушивании мира, различных представителей антиисциентизма.

Однако возникает вопрос — *что брать в расчет, как задать меру и степень включенности человеческого присутствия в научном познании без потери статуса научности?* Речь, конечно, не идет о единой, универсальной шкале мер и весов, предлагаемой, например, философской антропологией или любым другим монодисциплинарным дискурсом. Речь идет о другом. Вопрос ставится не только о ней (человекомерности), но и вопрошает ее (обращен к ней), адресуя себя в пространство «между» дисциплинарными областями, наукой и вне — (не) — наукой, различными культурами. Пространство «между» — это активная коммуникативная среда, обеспечивающая диалог монодисциплинарных дискурсов науки и «профанного» опыта. Авторы поставили своей целью разобраться, что происходит, когда понятие «человек» ставится в центр исследований не только в связи с познавательными процедурами, но и с теми результатами, которые содержательным образом ориентированы на построение становящейся, самоорганизующейся реальности, отличительными свойствами которой, среди прочих, остаются открытость и удаленность от равновесия. Концептуальные средства синергетики позволяют отследить эффекты присутствия человека в реальности или эффекты человекомерности там, где познавательные процедуры и практики, ранее ориентированные на отстраненное, объективное описание реальности, обнаруживают свою ограниченность.

2. Особую важность учет человекомерных характеристик научного знания и познавательных процедур приобретает в ситуации исторических преобразований науки, ее трансформаций. Наука перманентно становится иной. Отмеченная В.С.Степиным последовательность исторических типов науки — классической, неклассической и постнеклассической — лишь начало ряда, открытого к включению новых членов. Для обозначения эффектов становления, размывающих устойчивые границы научных типов, нами использован термин трансформации, который позволяет оставить в стороне уже заезженную колею противопоставления революционных и эволюционных преобразований.

Слово транс-формации вводит в присутствие позицию «транс» относительно устойчивой «формы» науки в качестве необходимого условия ее преобразования. Наука должна как бы выйти из себя (транс-цендировать), из границ своей устойчивости, вне себя, потерять себя в бесформенном, с тем, чтобы заново обрести себя уже в некоторой новой конфигурации. Классическая школа философской методологии тематизирует трансгрессию в (этого типа) позицию «транс» как проблему кризиса «рациональности» науки. При всем многообразии подходов ясно прослеживается неизбежность выхода за рамки классического рационализма будь то в представлении о «критической рациональности» (К.Поппер, И.Лакатос), «гибкой рациональности» (С.Тулмин), анархической рациональности (П.Фейерабенд), умеренной теории научной рациональности (В. Ньютон-Смит), конвергентной теории научной рациональности (Х.Патнем). Причем одним из факторов, который позволяет отследить динамику изменений форм рациональности, выступает учет специфической взаимозависимости между познавательными действиями ученых и тем, что они «открывают» в качестве естественного порядка фактов, законов природы и всего того, что выступает от имени Истины или Реальности-самой-по-себе.

Вместе с тем для традиционной методологии среда становления, в которой наука с неизбежностью оказывается в момент исторического преобразования, самостоятельного интереса не представляет. Ее ресурсы, как своеобразные строительные леса, после завершения трансформации отбрасываются.

3. Для нас ситуация выглядит иначе. Используя эвристический потенциал современной синергетики, мы концентрируем внимание на самой среде самоорганизации «между», событиях сдвига науки (транс-цендирования и транс-грессии) в транс-позицию. Образующиеся новые научные формы нас интересуют не сами по себе, но лишь как «следы», по которым удастся засечь эффекты становления и описать активную среду самоорганизации этих форм. Ситуация становления, проживаемая в режиме актуального времени, здесь и теперь, того, что происходит на наших глазах и не без нашего участия, вынуждает заново осваивать доставшееся наследство в связке с вновь приобретаемым опытом. В частности, классические описания субъект-объектного типа теряют универсальность, будучи дополнены описаниями коммуникативного типа — со-общения междисциплинарного «колледжа» участников познавательного процесса.

4. Остановимся подробнее на характеристике позиции «транс», которая, как отмечалось выше, существенно важна для описания эффектов становления в науке.

4.1. Для своего осмысливающего схватывания среда становления нуждается в фигуре философа-методолога, призванного отследить возникновение новых форм научного знания. Причем в этой ситуации и сам методолог «становится». Он приобретает новые качества профессионала в области коммуникативных стратегий научного знания, способного с учетом настроений, мотивов и мнений реконфигурировать то, что еще не присутствует как предмет исследования, во всяком случае в его классическом понимании. Само пространство «между» границами исчерпанных возможностей дисциплинарно организованного знания возникает как топос встречи разных языков, в котором методологическая деятельность становится деятельностью перевода встречающихся языков на возникающий здесь и теперь язык контингентного согласия, транслятора, интерпретатора, медиатора, фасилитатора в широком понимании этих терминов.

4.2. Диалог строится в реальной практике общения здесь и теперь, решая проблемы теоретического обоснования сложившейся ситуации локально (case-studies), в виде некоторого первичного обговора повествования. Нужда в повествовании возникает в ситуациях срыва классической субстантивированной (предметной) предзаданности. Универсальность научного дискурса контекстуализируется условиями уникального казуса. Повествования служат обеспечению связности, согласованности и координации не только опыта научного знания, но и других форм человеческого опыта (религиозного, психотерапевтического и др.) в рамках междисциплинарной коммуникации, заданной конкретным, однако общим для всех, случаем применения. Универсальные правила, разрабатываемые в каждой из участвующих в диалоге наук, конкретизируются возникшей проблемной ситуацией. Именно поэтому методология междисциплинарного диалога не может быть построена как методология универсального предмета. Она конкретизируется как спектр виртуальных возможностей для частного, конкретного случая (например, экологических и биоэтических проблем).

4.3. И наконец, третья — сопresentствующая выше помеченным — транспозиция, в динамике становления научного знания трансантропологическая. Человекомерность, как правило, возникает на границах возможностей объективированного знания.

Научное знание в своем развитии ставит нас в постоянное соприкосновение с чем-либо, что превышает нас (А. Пуанкаре), вводя в рассмотрение то, что находится за границей актуально возможного не только в бытии природных реалий, но и в человеческом бытии. Тем самым становление научного знания, давая возможность заглянуть в мир виртуального, потенциального воплощения сущностной взаимосвязи между неисчерпаемостью человеческого и природного, питает собой тенденцию к гуманитаризации и аксиологизации познания, приобретает многомерность самого человека. Можно связать «антропологический поворот», который принимает все более рельефное очертание в современном философствовании, включая и философию науки, с ностальгией по восполнению целостного мировидения в условиях прогрессирующей дисциплинарной фрагментации научного знания. В философии науки антропологический поворот актуализирован возрастанием интереса к междисциплинарным, проблемно-ориентированным исследованиям, провоцируя формирование того, что может быть условно названо «философией границ». В междисциплинарных исследованиях предметно ориентированное знание и соответствующий ему познающий субъект подходят к собственным границам. Возникает кризис монодисциплинарной экспертной претензии на возможность обладания полнотой истины и принятия адекватного ситуации решения. Целое, как предмет междисциплинарного исследования, заведомо несовпадающий с монодисциплинарной предметностью, требует для своего осмысления и осмысленного преобразования объединения усилий философов-методологов, логиков и психологов, историков и социологов, лингвистов и математиков, экономистов и культурологов.

5. Сверхзадачей междисциплинарного диалога является достижение консенсуса по вопросу, который задевает за живое каждого участника общения. Осмысленность общения возникает как реализация возможности, заложенной в природе диалога, использующего синергетический потенциал самого языка. Именно благодаря этому специфическому свойству синергетики оказываются возможны «парадигмальные прививки» (В.С. Степин) между участвующими в междисциплинарном диалоге науками. Последнее интенсифицирует рост знания и позволяет отслеживать его изменения. Учет синергетического движения в языке дает возможность измерить качественные отношения, как правило, ускользающие от однозначного определения, что харак-

терно для режима становления открытых самоорганизующихся систем. Относительность разрешения во всяком становящемся процессе обусловлена одновременным присутствием двух составляющих. Во-первых, наличием своеобразной синергетической рефлексии, когда концептуальный аппарат, претендующий на описание самоорганизующихся процессов, сам является результатом самоорганизации — эпистемологическим аспектом. Во-вторых, деятельностным, прагматическим аспектом, который выводит знание из области абсолютных истин в коммуникативное пространство практики общения, диалога в рамках данной культуры.

6. В предшествующих публикациях, подготовленных сотрудниками нашего сектора, представлены иные типы тематизации проблемы становления научного знания. В частности, была предпринята попытка отследить пути философского осмысления ключевых особенностей нового междисциплинарного направления научного поиска — синергетики. Рассмотрение проблем синергетики было намеренно соотнесено, погружено в традиционный для нашей философии контекст противопоставления — онтологии и гносеологии¹. Ракурс подобного рассмотрения давал возможность представить классические философские оппозиции, с одной стороны, как относительные и подвижные, что выразилось по ходу исследования в условности их разведения, а с другой стороны, философичность и методологизм самой синергетики. Было отмечено, что междисциплинарность синергетики помимо своих естественнонаучных корней имеет основания в гуманитарном знании, в том числе и философии как отдельной дисциплины. Последнее обстоятельство обусловило рассмотрение синергетики не только в эволюционном ключе ее связей со своими предшественниками (теорией систем, теории относительности, квантовой механикой и др.), но и в более широком ракурсе: от мировоззренческих проблем построения научных картин мира до социокультурных личностных установок.

На следующем этапе работы сектора тематизация становления научного знания и его трансформаций была представлена в синергетике феноменов языка и мышления, события и смысла². Последняя публикация была тематизирована как проблема языка междисциплинарного диалога³. Каждая из тематизаций создает свой самодостаточный «пучок» тематически связанных обсуждений, образующий с другими многообразные эффекты различающегося «повтора» — эффект мультипликации, дающий возможность отследить становление научного знания.

6. Вопрос о человекообразности задает свой специфический ракурс обсуждения исторических механизмов трансформации науки. Результаты проведенных тематизаций, как может заметить читатель, не складываются механически как части в целостной единой картине становления научного знания. Здесь более уместен инструментарий «лазерно-голографических» представлений, который позволяет из особой познавательной позиции «наблюдателя-участника» в границах некоторого конуса перспектив увидеть, как по части может достроиться (самоорганизоваться) немеханическое динамическое целое «синергетика человекомерной реальности». Именно на эту перспективу были настроены авторы, представляя тему по частям-разделам: «синергетика», «челомерность», «реальность».

Тематизация процессов трансформации науки через исследование ее человекообразности образует собой аттрактор, стягивающий различные дискурсы данной книги. Особое внимание уделяется феномену, условно названному «антропологический поворот», который связывается как со спецификой современной науки, так и всей культуры в целом в канун третьего тысячелетия.

Хотелось еще раз подчеркнуть, что авторы, используя концептуальные средства синергетики, стремились отследить эффекты присутствия человека в реальности или эффекты человекомерности там, где познавательные процедуры и практики, ранее ориентированные на отстраненное, объективное описание реальности, обнаруживают свою ситуационную контекстуальность. Я.И.Свирский в статье «Свидетель зияния (к вопросу о «челомерности» в науке)» предлагает на основе философского истолкования концептов «субъект», «человек», «наблюдатель» и «свидетель» фазовый портрет расщепленной человекомерной реальности.

В статье П.Д.Тищенко «Челомерная реальность и концепция другого модерна У.Бека» дается подробный анализ культурных трансформаций, вызывающих контекстуализацию научного знания, описываются ростки рациональности нового типа в современной науке на примере новейших геномных исследований. Отмечается необходимость в истолковании феноменов науки «другого модерна» использовать в модусе дополнительности описания двух типов, парадоксально коммуницирующих через разрывы в научных дискурсах. Во-первых, описания, конституируемые дискурсом, задающим позицию из вне изучаемой ситуации, а во-вторых, — дискурсом, ведущим речь изнутри са-

мой ситуации, в результате чего последняя меняется. К статье П.Д.Тищенко тематически близко стоит статья В. П. Визгина «Кризис проекта модерн и новый антропотеокосмический союз», которая прослеживает на обширном историческом материале динамику становления проекта модерн, рассматривает его отношение к науке, эзотерике и религии, а также показывает трансформацию этих отношений в последние десятилетия XX века (постмодерн). Автор делает заключение о кризисе проекта модерн и указывает ряд намечающихся тенденций в культурной парадигме нашего времени, которые говорят о ее переходном характере и возможностях нового антропотеокосмического союза.

Раздел «Человекомерность» помимо указанных статей содержит статью В.Э.Войцеховича «Человек как аттрактор биоэволюции», предлагающую антропо-синергетический взгляд на развитие жизни, а также статью С.С.Хоружего, который подробно прослеживает свою антропологическую модель третьего тысячелетия. Антропологический смысл декартовского аргумента подробно разбирается в статье Г. Гутнера. Свои представления о размерности человека предлагают статьи Л.А. Колесовой «Четвертое измерение» и Е.Н. Ярославцевой «Человек в контексте синергетики».

Центральным разделом рецензируемой книги является раздел, посвященный философскому осмыслению синергетики как феномену постнеклассической науки и ее переосмыслению в контексте междисциплинарных приложений в качестве нелинейной науки, науки о хаосе и теории о сложности, приложений, ориентированных коммуникативными стратегиями узнавания, организацией пространств межличностной встречи и диалога, особенно контактов естественнонаучного и социогуманитарного знания (статья В.И.Аршинова «Синергетика и методология постнеклассической науки»). Раздел представляют статьи, которые являются новаторскими и с точки зрения тематизации исследований, и по тем эвристическим идеям и гипотезам, которые в них излагаются. Так в статье А.Л.Блинова «Синергетика коллективной иррациональности» делается попытка подготовить почву для включения математической теории и ее приложений в экономике, социологии и политологии в тематическое поле синергетики прежде всего в плане проблем междисциплинарности и междисциплинарного сотрудничества. Статья В.В.Тарасенко «Анализ сетевого мышления» обсуждает современную интерпретацию мышления как «сетевого» феномена. Акты человеческого мышления

истолковываются, во-первых, с точки зрения эффектов его общественной организации, связанные с активностью человека или группы людей по овладению представлениями, образами, ассоциациями, воспоминаниями, интересами и ожиданиями — процесс, связанный с различными формами упорядочивания мыслительной деятельности. А во-вторых, с точки зрения эффектов организации человеческого мозга на базе нейросетевых подходов. Показывается сложная деятельность нейронной сети, в которой образы могут храниться, возникать и умирать.

Д.С.Чернавский и В.А.Намиот в статье «О логико-методологических аспектах явления неустойчивости» предлагают свой вариант целесообразной логики, нацеленной на динамическое взаимоувязывание намерений и возможностей в процессе познания, что ведет к известной ревизии ряда понятий и положений математической логики. Статья Ю.А.Данилова «Синергетика вокруг и внутри человека» освещает имманентные проблемы синергетики, в том числе и в связи с ее человекомерностью. Статья А.А.Коблякова «Основы общей теории творчества (синергетический аспект)» предлагает читателю логическую модель творческого процесса, указывая на важность «трансмерных переходов».

Наконец, третий раздел книги содержит результаты исследований, посвященных анализу возможных модельных представлений реальности. В частности, статья В.И.Моисеева «Опыт реконструкции определения аффектов в «Этике» Спинозы» ставит своей целью рассмотрение структуры аффектов в философии Спинозы с точки зрения идеи субъектных онтологий, выдвинутой автором. В основе концепции субъектной онтологии лежит представление «степени себя» некоторой интегральной меры благополучия, выражающей степени того, насколько адекватно то или иное положение дел (по Витгенштейну) для существа, его Я (или самости) в этом положении дел. В статье О.Е.Баксанского «Современные когнитивные репрезентации о мире» поднимается вопрос о взаимоотношении научных и обыденных репрезентаций мира. Он последовательно сопоставляет схему социального представления, предложенную С. Московичи, которая используется для описания обыденного познания окружающего мира, то есть здравого смысла, с разработанными в методологии науки схемами описания научного познания, в частности подходами И.Лакатоса и Ст.Тулмина. При этом отмечается, что, хотя авторы обсуждаемых концепций исходили из предположения о существенном различии научного и обыденного способов познания действительности, созданные ими подходы имеют много общих черт и довольно хорошо дополняют

друг друга. Автор предпринимает попытку построения общей, интегральной структуры представления, которая связана со способностью субъекта создавать когнитивную репрезентацию окружающего его мира.

В статье М.В.Лебедева о «Нелинейности эпистемологического обоснования» предпринята попытка показать невыделенность (Ч.Пирс) знания по отношению к другим ментальным состояниям, в том числе эмпирическим представлениям и различного рода верованиям. Утверждается, что обоснование является в конечном счете холистическим и нелинейным процессом, поскольку все утверждения в системе стоят в отношении взаимной поддержки, при этом ни одно из них эпистемически не предшествует другим. Реальная когнитивная деятельность людей в такой же степени определяет теорию, как и оказывается определяемой ею, что это в равной степени относится и ко внетеоретической деятельности. Статья Ф.И.Гиренка «Антропологические конфигурации философии» предлагает оригинальный вариант авангардистского истолкования антропологии (археоавангард), дающий изображение человека в дополнительноности четырех модусов — ускользящей «чтойности», расширения, непрерывного рождения и заполнения пустого.

Большой блок статей, входящих в последний раздел, представлен рассмотрением взаимоотношения языка и синергетики, порождающего специфический феномен языковой реальности. Последний дает возможность полнее представить как сам язык (как систему и как способ деятельности), так и синергетику с ее статусом метанауки, призванную изначально сыграть роль коммуникатора, позволяющего оценить степень общности результатов, моделей и методов отдельных наук. Именно последнее обстоятельство позволяет авторам рассматривать синергетику как язык междисциплинарного общения. Этому посвящены статья В.Г.Буданова «Принципы синергетики и язык», а также статьи Л.П.Киященко «Мифопоэзис научного дискурса» и Д.П.Пашиной «Влекуемые языком».

Мы надеемся, что эта книга, как и все ранее опубликованные, найдет своего заинтересованного читателя — «свидетеля-участника» синергетических по своей сути событий трансформации современной культуры и научного знания.

В.И.Аришинов, Л.П.Киященко, П.Д.Тищенко

Примечания

- ¹ Онтология и эпистемология синергетики / Отв. ред. В.И.Аршинов, Л.П.Киященко. М., 1997.
- ² Событие и смысл(Синергетический опыт языка). М., ИФ РАН, 1999.
- ³ Синергетика: язык междисциплинарного диалога // Филос. исслед. 2000. № 1. С. 3-114.